

Преп. Анастасія Синаїта. Изъ слова объ образѣ Божіемъ¹⁾.

(Отрывокъ).

Не одинъ какой-нибудь образъ и подобіе имѣеть въ себѣ (человѣкъ), но и другой, и третій, и четвертый, и пятый, подлинно изображая, какъ-бы въ какомъ-нибудь зеркаль или естественной, а не символической картинѣ, таинство Тріостаснаго Божества,— и не одно только это, но ясно предна-
чертывая и вочековѣченіе Единаго изъ сей самой Троицы, Бога—Слова. По образу чистаго (*τῆς γυμνῆς*) Божества является, пожалуй, сама по себѣ душа (*γυμνὴ ἡ ψυχή*), по подобію же воплощенія Слова—соединеніе нашей души и тѣла. Но воз-

¹⁾ Преп. Анастасію Синанту (VII в.) принадлежать нѣсколько словъ объ образѣ Божіемъ. Первое изъ нихъ подъ именемъ Григорія Нисского помѣщено среди его твореній. См. MPG. t. 44, col. 1327. Печатаемый здѣсь первый отрывокъ представляетъ, очевидно, часть второго слова. Далѣе предлагаются здѣсь въ переводе третье слово почти полностью (безъ конца только). Всѣдѣ за нимъ помѣщены еще одинъ отрывокъ—неизвѣстно, изъ какого слова.

Настоящій отрывокъ, представляющій переводъ съ греческаго (MPG. t. 89, coll. 1144—1150), написанъ именемъ Анастасія, патріарха Антіохій- скаго. Но отъ послѣдняго не сохранилось словъ объ образѣ Божіемъ. Содержаніе этого отрывка весьма близко подходитъ къ дальнѣйшему 3-му слову, въ которомъ Анастасій Синайтъ, ссылаясь на предыдущія слова своихъ объ образѣ (см. *ibid.* col. 1160 CD), не только высказываетъ ана-
логичныя мысли и проводить одинъ и тотъ же основной предметъ содер-
жанія (стремясь доказать отображеніе въ человѣкѣ, какъ образѣ Божіемъ,
двухъ естествъ Христа, двухъ воль и двухъ дѣйствованій), но и букваль-
но приводить выдержку изъ настоящаго первого отрывка (*ibid.*
coll. 1161 С—1164 АВ; ср. coll. 1148 Д—1149 АВС). Отсюда ясно, что авторомъ этого отрывка является также Анастасій пресвитер—Синайтъ.

вратимся лучше снова къ самому началу рѣчи, откуда, какъ бы изъ какого источника, прежде всего изслѣдуемъ, почему не создалъ Богъ личности (иностаси) нашихъ прародителей и родоначальниковъ, т.-е. Адама и Евы и рожденаго отъ нихъ сына, по примѣру остальныхъ разумныхъ существъ, т.-е. ангеловъ, или же, наоборотъ, одинаковыми съ одушевленными животными, но Адама создалъ безвиновно (*ἀγαίνως*)¹⁾ и нерожденно, слѣдующаго же за нимъ человѣка—сына рожденнымъ; Еву же привель въ бытіе ни рожденно, ни опять безвиновно, по чрезъ взятіе или производно, какъ происшедшую изъ существа безвиновнаго (*ἀγαίνον*) Адама. И не эти-ли три родоначальныя главы, единосущныя всему человѣческому роду, являются, какъ думаетъ и Мѳодій, нѣкоторымъ символическимъ образомъ Святой и Единосущной Троицы? Именно—безвиновный и нерожденный Адамъ является символомъ и образомъ безвиновнаго и всевиновнаго Вседержителя Бога и Отца; рожденный отъ него сынъ предначертываетъ образъ рожденного Сына и Слова Божія; происшедшая же Ева изображаетъ исходящую Ипостась Святаго Духа. Посему не вдунулъ въ нее Богъ дыханіе жизни, потому что она есть образъ Святаго Духа, Который есть дыханіе и жизнь, и потому, что она имѣла принять въ себя, чрезъ Святаго Духа, Бога—истинно сущее дыханіе и жизнь всѣхъ²⁾. Отсюда можно видѣть и удивляться, почему нерожденный Адамъ не имѣть среди людей подобного себѣ, другого нерожденаго или безвиновнаго, равно какъ и происшедшая Ева, какъ истинные образы нерожденаго Отца и Святаго Духа. Рожденный же отъ нихъ сынъ имѣль всѣхъ людей, какъ рожденныхъ сыновъ, подобными себѣ братьями, такъ какъ онъ былъ по образу и символическому подобію Христа, рожденаго Сына, Который сталъ человѣкомъ, перворожденнымъ безъ сѣмени во многихъ братіяхъ. Если же не такъ и не въ этомъ смыслѣ нужно понимать образъ (по образу), то поч-

¹⁾ Безвиновно употреблено здѣсь не въ смыслѣ безвинно, но—безпринципно. Безвиновно и безвиновный—это славянскіе термины, которые принято употреблять по отношенію къ первой Ипостаси св. Троицы. А такъ какъ Адамъ, по мысли преп. Анастасія, является образомъ Бога Отца, то мы и удержали эти термины.

²⁾ Т. е. въ данномъ случаѣ она—первая жена была образомъ Св. Евы Маріи.

му-же нѣкогда произошло не четыре, двѣ или больше личностей (и постасей) прародителей, имѣющихъ, каждая въ отдѣльности, свои личные отличительные особенности — разумѣю: нерожденность, рожденность и исхожденіе, но только три и [по тѣсной связи] единая? Итакъ, въ трехъ ипостасяхъ (прародителей) ты имѣешь по образу и подобію символическую Троицу въ единицѣ.

Слѣдуетъ тебѣ знать и единство въ Троицѣ. А чтобы ты ясно могъ уразумѣть это, послушай одного изъ мудрецовъ, убѣждающаго тебя и говорящаго: если желаешь познать Бога, прежде познай себя самого, изъ собственнаго твоего — говорить — строенія, изъ собственнаго твоего состава, изъ того, что внутри тебя самого; углубись въ себя самого; пристально взглянись, какъ-бы въ нѣкоторое зеркало, въ собственную душу; разсмотрія ея строеніе, и ты увидишь себя самого созданнаго по образу и подобію Божію. Вѣдь сущность души твоей неизъяснима, невѣдома, духовна и бессмертна по образу и символическому подобію неизъяснимаго, невѣдомаго и бессмертнаго Бога. Въ самомъ дѣлѣ, ни существа Бога, ни существа разумной души не позналъ никто изъ жившихъ въ (семъ) вѣкѣ людей. Животворящая, связующая и промыслительная душа управляетъ природою четырехстихійного тѣла, во образъ Бога, Промыслителя всей твари, сущей на четырехъ концахъ земли и горѣ. Поэтому мы не знаемъ, въ какомъ мѣстѣ обитаетъ Богъ, но только вѣруемъ, что Онъ на всякомъ (мѣстѣ). [Равнымъ образомъ] мы не знаемъ, гдѣ обитаетъ въ тѣлѣ душа, но только знаемъ, что въ пресвятомъ тѣлѣ она существуетъ и дѣйствуетъ¹⁾.

Душа твоя имѣеть и (нѣчто) иное по образу Божію. Я разумѣю иносущность ея всей тварной природѣ. Но что удивительнѣе всего изъ того, что есть въ нась по образу, такъ это то, что человѣческій умъ не въ состояніи ни опровергнуть (*жатапѣб αι*) доказательствъ (*τοὺς λόγους*) бытія Божія, ни [объяснить] нашей психической сущности, какимъ образомъ она возникла и пришла въ бытіе. Но перейдемъ къ важнѣшему [въ вопросѣ] объ образѣ и подобіи, дабы показать, согласно обѣщанію, единичность Божества въ Троицѣ. Какова она — это очевидно опять изъ того, что есть наша душа, и

¹⁾ Разумѣется, очевидно, тѣло Христа.

ея разумное слово, и мысль (*ό γοῖς*), которую Апостолъ назвалъ духомъ, когда утверждаетъ быть святыми душею, и тѣломъ, и духомъ (1 Сол. 5, 23). Въ самомъ дѣлѣ, какъ нерожденная и безвиновная (*ἀγαίτιος*), душа подлинно есть образъ нерожденнаго и безвиновнаго Бога и Отца, такъ и не рожденное разумное ея слово, отъ нея рождаемое неизреченно и невидимо, неизъяснимо и безстрастно, является образомъ рожденнаго Сына. Мысль же—ни безвиновна, ни рождена, но она исходящая, всюду проникаетъ и все назираетъ, и невидимо осязаетъ, по образу и подобію Всесвятаго и исходящаго Духа, о Которомъ сказано, что „Духъ вся испытуетъ, и глубины Божія“ (1 Кор. 2, 10). Душа не является исходящей, до тѣхъ поръ пока она находится въ тѣлѣ; иначе если бы она исходила, то мы въ тотъ же моментъ умирали бы. И слово наше не есть нерожденное, иначе мы были бы безсловесными и скотоподобными¹⁾. Удивительнѣе же всѣхъ этихъ дивностей то, что мы имѣемъ душу, какъ нѣчто простое, равно и мысль единичную и несложную, слово же двойственное, имѣющее двойное рождение, но сохраняющееся единствомъ и нераздѣльнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, слово рождается въ сердцѣ нѣкоторымъ непостижимымъ, безтѣлеснымъ рождениемъ и остается внутри невѣдомымъ; рождается и вторымъ рождениемъ, тѣлеснымъ — чрезъ уста, и тогда всѣми познается, не отдѣляясь однако отъ родившей его души, дабы чрезъ два рождения нашего слова мы ясно уразумѣли, по нѣкоторому образу и подобію, два рождения Бога—Слова. Ибо Оно рождено невидимо и неизъяснимо, прежде вѣковъ отъ Отца, и оставалось невѣдомымъ у Отца, какъ-бы въ какой душѣ, до тѣхъ поръ пока, какъ бы изъ нѣкоего сердца, непорочно и безболѣзенно не родилось отъ Дѣвы по плоти и не явилось намъ тѣлесно чрезъ второе рождение.

Усматривается также, какъ бы въ какомъ образѣ и символѣ, въ человѣкѣ, говорю, и нѣкоторое двойное отображеніе дѣйствованія (энергіи) во образѣ и символѣ (дѣйствованій) Христа. Въ самомъ дѣлѣ, какъ Божество Его, будучи дѣятельно, дѣйствовало и богомужно (*θεαγρικῶς*) и (только) божески (*θεῖκῶς*) на небѣ, прежде образования тѣла, какъ безпредѣльное и неограниченное тѣломъ; такъ точно и душа, будучи

¹⁾ Т. е. если бы въ душѣ нашей не рождалось слово.

по образу и подобію невидимаго Бога—Слова, дѣйствуетъ, съ одной стороны, душемужно (*ψυχαριθμός*), т.-е. душевнотѣлесно, во образъ богомужно-дѣйствующаго Христа. Съ другой стороны, въ весьма многихъ случаяхъ она дѣйствуетъ и душевно только, безъ содѣйствія ей со стороны ея обиталища—тѣла, во образъ невидимаго Бога—Слова, многое не видимо совершившаго и совершающаго на небѣ и на землѣ, чрезъ неограниченное Его и всемирное божественное дѣйствованіе. Такъ, любовь къ Богу осуществляется чрезъ одно только душевное дѣйствованіе, не нуждаясь для этого въ содѣйствіи тѣла; подобнымъ образомъ и вѣра есть показатель одной только психической энергіи; точно также и надежда совершается одною только психическою энергіею; равно какъ и смиренномудріе дѣйствуется и поддерживается чрезъ энергию души. И вообще говоря, всѣ необходимыя [для спасенія] духовныя добродѣтели, корень и основаніе которыхъ есть чистота сердца, совершаются при помощи одной только духовной энергіи нашей разумной души, не нуждаясь для своего выполненія въ тѣлѣ. Поэтому и увѣчные, и больные, и неподвижные тѣломъ чрезъ эти добродѣтели, посредствомъ душевнаго дѣйствованія, могутъ благоугодить Богу. Двойственность нашей энергіи въ особенности обнаруживается у насъ во снѣ. Ибо въ то время, какъ тѣлесныя чувства какъ бы замираютъ и почти бездѣйствуютъ, духовная и разумная энергія души обходитъ все неусыпно и неумолчно. Иначе какимъ образомъ, отѣлившись отъ тѣла во время смерти, разумная душа продолжаетъ существовать, какъ не чрезъ свою духовную, жизненную и вѣчно живую energію?

Все богодохновенное Писаніе, и евангельское и апостольское ученіе говорять, что Богъ, все наполняющій, пребываетъ на небесахъ. Посему мы знаемъ, что оттуда сошелъ (на землю) Богъ—Слово, и вѣруемъ, что и опять Онъ восшелъ на небеса съ плотію. Итакъ, если вверху (на небесахъ) есть божественный Свѣтъ, Отецъ нашъ небесный, и вверху Богъ—Слово, Свѣтъ отъ Свѣта, и вверху же въ вышнихъ и Духъ Святый; то, безъ сомнѣнія, по образу сей высочайшей Святой Троицы и мы въ болѣе возвышенномъ мѣстѣ имѣемъ весь свѣтъ тѣла, и слово, и дыханіе ноздрей, смежно и совокупно соединенные въ нашей головѣ, и оттуда, какъ-бы

изъ нѣкоего высокаго неба, эта тройственная полнота управляетъ и освѣщаетъ міръ тѣла.

Анастасія пресвитера на горѣ Синаѣ слово 3-е ¹⁾.

Въ этомъ словѣ составитель объясняетъ поводъ, по которому имъ составлены два слова обѣ образѣ. Выясняетъ также и причину, откуда ведеть начало движение о движествованіяхъ и воляхъ (во Христѣ). Затѣмъ по порядку показываетъ, кто благочестиво и кто неправо учитъ о нихъ во Христѣ.

Благоразумные врачи и опытомъ умудренные знатоки, стремясь къ (пріобрѣтенію) еерапевтическихъ познаній, не прежде примѣняютъ свои противоядныя средства, пока по изслѣдованіи, не изучать ближайшихъ и коренныхъ причинъ (болѣзней). Таковыми же, конечно, образомъ и желающіе основательно и легко истребить и искоренить губительные и тлетворные недуги ересей должны прежде поколебать коренные и какъ-бы фундаментальные устои ихъ, и разоблачивъ и основательно опровергнувъ ихъ, тогда уже, какъ весьма хорошо изслѣдовавшіе (ихъ), они легко и весьма хорошо могутъ и лѣчить ихъ.

„Не суть рѣчи ихъ, ниже словеса, ихже не слышатся гласи ихъ, но во всю землю изыде вѣщаніе ихъ и въ концы вселенные глаголы ихъ“ (Пс. 18, 4—5),—я говорю о тѣхъ военныхъ отрядахъ, Персидскихъ и Римскихъ войскахъ, когда побѣдное знаменіе креста, при помощи Божіей, возвращено было съ царемъ Иракліемъ въ Іерусалимъ. Этотъ именно скиптроносецъ Римскаго въ то время царства Ираклій, совершая походъ во внутреннія страны Халдеевъ и Персовъ, по направленію къ Антіохійскому городу, встрѣтился съ нѣкімъ Аѳанасіемъ, глаголемымъ патріархомъ ненавистной Яковитской іерархіи, человѣкомъ искусственнымъ въ рѣчахъ и коварнымъ по природному лукавству Сирійцевъ. Царь, обратившись къ нему съ рѣчью о вѣрѣ въ два естества во Христѣ, обѣщааль, что если онъ согласится съ нимъ и приметъ св. Халкидонскій соборъ, то поставить его патріархомъ тамошней святой каѳолической Церкви. Итакъ, по притворству или по другому какому соображенію Аѳанасій принялъ со-

¹⁾ Переводъ съ греческаго MPG. t. 89, coll. 1152—1180.

боръ, исповѣдавъ во Христѣ два соединенныхъ естества. Согласившись на это, онъ спросилъ царя о дѣйствованіи и воляхъ, какъ ихъ нужно исповѣдывать во Христѣ—двойственными или едиными? Поэтому царь, встревоженный новостью вопроса, такъ какъ, дѣйствительно, его еще не возбуждали въ наши дни, пишеть объ этомъ (письмо) Мартину, папѣ Римскому, равно и Сергію, епископу Константинопольскому. И папа отвѣтилъ ему согласно преданію Св. Отцевъ, говоря, что гдѣ познаются двѣ природы, созданная и вмѣстѣ несозданная, тамъ безусловно необходимо, чтобы онъ имѣли двѣ естественные ихъ особенности: именно—двѣ воли и два дѣйствованія, потому что у кого воля и дѣйствованіе одно, у того, конечно, и природа оказывается одна, а не двѣ. Эту именно мысль заключало въ себѣ письмо Мартина.

Сергій же Константинопольский, такъ какъ, по общепринятому мнѣнію, онъ былъ родомъ Сиріянинъ и потомокъ Яковитовъ, далъ отвѣтъ Ираклію въ противоположномъ Мартину смыслѣ, исповѣдавъ одно естественное хотѣніе (волю) и одно дѣйствованіе во Христѣ. И такъ, царь, получивъ письма отъ обоихъ, склонился болѣе на сторону мнѣнія Сергія, каковое и Аѳанасій, какъ извѣстный коварный человѣкъ, радостно принялъ съ распостертыми руками, потому что гдѣ сказано объ одномъ дѣйствованіи, тамъ естественно предполагается и одна природа. Затѣмъ папа (патріархъ) Киръ посылается въ Александрію, и самъ также устраиваетъ тамъ чрезъ Фаранита ту „водянную унію“ (*ὑδροβαψίη... ἔγραψις*) или лучше одно пустое дѣло (*χέρωσις*), [для которой] тотъ и другой написали тамъ объ естественномъ во Христѣ дѣйствованіи. И такъ какъ они послѣ этого всецѣло послѣдовали (этому заблужденію) во вредъ Антіохійцамъ и Александрійцамъ, то великое поношеніе понесъ Халкидонскій соборъ и вселенская Церковь. Ибо единомышленники Іакова въ Сиріи и ученики Феодосія въ Александріи хвастались, говоря, что не мы-де вступили въ общеніе съ Халкидонскимъ соборомъ, но скорѣе Халкидонскій соборъ съ нами, исповѣдавъ чрезъ одно дѣйствованіе одно естество во Христѣ.

Услышавъ объ этомъ, Ираклій устыдился, но не пожелалъ оставить собственного мнѣнія, а съ другой стороны—не выносить и упрека. Тогда именно, задумавъ сдѣлать нѣчто важное, онъ издаетъ такъ называемый *эдиктъ*, содержащий

(въ себѣ повелѣніе), чтобы не исповѣдывать во Христѣ ни одного, ни двухъ дѣйствованій. Прочитавъ этотъ эдиктъ, единомышленники Севера стали поносить вселенскую Церковь въ харчевняхъ и банихъ, говоря: послѣдователи Несторія, Халкидоніяне, сперва было образумились, обратившись къ истинѣ и соединившись съ нами въ вѣрѣ въ единое естество Христа чрезъ (исповѣданіе) одного дѣйствованія (въ Немъ), а теперь, отвергнувъ то, что было правильно установлено, они погубили и то и другое, не исповѣдуя во Христѣ ни одного, ни двухъ дѣйствованій.

Слыша и видя это, Мартинъ, предстоятель Римской церкви, и не вынося такого позора и поношения Церкови, составилъ въ Римѣ соборъ изъ большинства святыхъ епископовъ, открыто исповѣдавъ на немъ, на основаніи свидѣтельствъ Св. Отцевъ, два нераздѣльныхъ во Христѣ свойства, т. е. божеское и человѣческое хотѣніе Его и дѣйствованіе. Послѣ этого скончался Ираклій, Мартинъ подвергся изгнанію со стороны внука Ираклія, и вскорѣ возсталъ пустынnyй Амаликъ, поражая нась, народъ христіанскій.

То было первое ужасное и неисправимое пораженіе Римского войска: я говорю о кровопролитіи при Габиѳѣ, Гіеромухѣ и Даемонѣ, за которымъ послѣдовали плѣнѣ и сожженіе Палестины, Кесаріи и Іерусалима, потомъ гибель Египта и одно за другимъ—плѣненія и непоправимыя опустошенія областей Средиземья, острововъ и всей Римской земли. Но и тогда не пришли въ чувство Римскіе начальники и властители, но пославъ за главными дѣятелями на Римскомъ соборѣ, они употребили противъ нихъ отрѣзываніе языка и отсѣченіе рукъ. Что же? За это намъ послѣдовало отъ Бога возмездіе: почти совершенная гибель въ Финикии Римского войска и похода и при нашествіи (непріятеля) снова опустошеніе всѣхъ христіанскихъ странъ и народовъ, которое не прекратилось до тѣхъ поръ, пока гонитель Мартина не погибъ отъ меча въ Сициліи. Сынъ же его благочестивый Константинъ чрезъ вселенскій соборъ объединилъ святая Церкви, согласно (ученію) Св. Отцовъ исповѣдавъ во Христѣ Господѣ нашемъ божеское и вмѣстѣ человѣческое хотѣніе (волю) и дѣйствованіе. Этотъ священный соборъ, принятый Богомъ, какъ жертва благопріятная и какъ єиміамъ Аарона, отсрочилъ погибель нашего народа на двадцать лѣтъ, мечъ

враговъ обратилъ противъ нихъ же самихъ, страны успо-
коилъ, море сдѣлалъ удобнымъ для плаванія, воспрепятство-
валъ плѣненіямъ и всей Римской (имперіи) даровалъ покой,
отдохновеніе и долгій миръ. Но всего этого не уразумѣли и
не поняли легкомысленные, ходя во тьмѣ, и въ корчмахъ и
баняхъ, предъ дѣвицами и любовницами понося насть и го-
воря, что учащіе о двухъ хотѣніяхъ (воляхъ) во Христѣ,
признаютъ, конечно, одно—добroe, а другое злое, одно—
божеское, а другое — діавольськое. Въ самомъ дѣлѣ, какъ
возможно вообще говорить, по ихъ словамъ, о человѣческомъ
хотѣніи во Христѣ, когда Апостолъ говоритъ, что „хотѣніе
плоти (мудрованіе плотскoe) не покоряется закону Божію“
и: „хотѣніе плоти—вражда на Бога“ (Римл. 8, 7), и: „бѣхомъ
иногда и мы непокоривы, творяще хотѣнія плоти“ (Перифр.
• Тит. 3, 3); „хотѣніе бо плоти (мудрованіе бо плотскoe) смерть“
(Римл. 8, 6)?

Эти и подобныя рѣчи изрыгають противъ насть враги
истины, какъ псы, кони или мулы, у которыхъ нѣть разу-
ма, клевеща на насть, какъ будто мы признаемъ во Христѣ
два лица и двѣ ипостаси, и двѣ именно раздѣльныхъ, и
двѣ противоположныхъ свободы (*εξουσίας*) и отрицаемъ наи-
менованіе Богородица, и учимъ, что все въ Немъ двойственno
и раздѣльно, проповѣдуя два дѣйствованія въ Немъ—добroe
и злое. Этими пустыми рѣчами и клеветами они повредили
народамъ, раздѣлили церкви, возмутили страны, оскорбили
вѣру, разъединили священниковъ, привели въ заблужденіе
монаховъ, запятали начальниковъ и все потрясли: всякий
городъ, всякую деревню, всякую епархію, воздвигнувъ гоне-
нія, оскорбления, розыски, притѣсненія, изгнанія, штрафы,
какихъ даже аріане не воздвигали противъ Церкви. Они
питаютъ къ намъ такую ненависть, какой не питаютъ ни къ
іudeямъ, ни къ самарянамъ, ни къ манихеямъ, ни къ елли-
намъ, ни къ отступникамъ. Они предпочитаютъ для себя
жить и обращаться съ идолопоклонниками, чѣмъ съ нами,
признающими во Христѣ нераздѣльно два свойства. Они
считаютъ за лучшее молиться вмѣстѣ съ іudeями, чѣмъ съ
нами, исповѣдующими во Христѣ нераздѣльно божеское и
человѣческое хотѣніе (волю) и дѣйствованіе, не желая,
скрѣже же не въ состояніи будучи различить, что такое есть
божеская и несозданная воля и что такое есть богозданная.

и божественная воля нашей разумной души, чрезъ каковую волю образуется добрая и богоугодная воля, и—наоборот—что есть плотская, т. е. діавольская и вещественная воля, которую божественный Апостолъ и всѣ (св.) Писанія порицаютъ и отвергаютъ.

Что грѣхъ Павель часто называетъ плотью, послушай его (самого), когда онъ говоритъ, что „плоть и кровь Царствія Божія не наслѣдять (наслѣдити не могутъ)“ (1 Кор. 15, 50), и: „сущіи во плоти Богу угодити не могутъ“ (Римл. 8, 8), и; „свѧтъ въ плоть отъ плоти пожнетъ истлѣніе“ (Гал. 6, 8), и: „аще по плоти живете, имате умрети“ (Римл. 8, 13). Плотию онъ называетъ грѣхъ, а не природу нашей плоти. Ибо иначе окажется, что онъ оскорбляетъ Христа, говорящаго: „Осяжите Мя и видите, яко духъ плоти и кости не имать, якоже Мене видите имуща“ (Лук. 24, 39). Итакъ, плотская воля (хотѣніе) чужда и несвойственна Христу, какъ опредѣли Св. Отцы, и плотское, страстное, грѣховное дѣйствованіе, но не то, которое свойственно природѣ, не божественное, не то, которое по образу и подобію Божію — непорочное и неукоризненное естественное хотѣніе и дѣйствованіе.

Но тѣ, которые поистинѣ находятся подъ воздѣйствіемъ діавольского дѣйствованія, неистовые на разженіе и распаленіе плоти, порабощенные плотскимъ хотѣніемъ, сквернящіеся и оскверняемые, не будучи въ состояніи различить, что есть привнесенная и злая воля и противостоящее ея жизненное и связанное съ тѣломъ дѣйствованіе, и что такое богонасажденная и божественная, естественная воля души, способная мыслить и желать, и что такое опять ея жизненное и связанное съ тѣломъ дѣйствованіе, какъ истинные ученики Манента, порицаютъ волю божественного естества человѣческаго, порочатъ, какъ манихеи, божественную нашу плоть, оскорбляютъ животворящее, божественное наше дѣйствованіе, поносятъ наше разумное божественное желаніе, чрезъ которое, стремясь къ божественному, мы достигаемъ спасенія,—всѣмъ своимъ ученіемъ [такимъ образомъ] укоряя Творца.

Если бы врожденная воля души была злу, то какъ бы Давидъ могъ сказать: „Волею мою исповѣмся Богу“ (Пс. 27, 7). Въ самомъ дѣлѣ, какъ вообще душа могла бы желать чего-либо божественного, если бы не имѣла разумного желанія?

Или какъ бы она могла помыслить (*νοήσει*) о чёмъ-либо лучшемъ и духовномъ (*τι . . . νοερῷ*) или проявить (то) въ дѣятельности, не имѣя умнаго дѣйствованія (*ἐγέργειαν νοεράν*), чрезъ каковыя два свойства ясно отображается въ ней образъ и подобіе Божіе? Для того вѣдь только нами и написаны предшествующія слова объ образѣ¹⁾, чтобы показать, что въ человѣкѣ, какъ-бы въ нѣкоторомъ подобіи и образѣ, находится не только предызображеніе двухъ во Христѣ сущностей, но и предназначаніе, какъ бы въ нѣкоторомъ неясномъ образѣ, двухъ неукоризненныхъ воль и дѣйствованій. Въ самомъ дѣлѣ, почитать отца и матерь, и любить братьевъ и родственниковъ свойственно человѣческой природѣ и есть (проявленіе) естественной и неукоризненной воли души. Оставить же и отречься ради Бога отъ отца и матери, и братьевъ поистинѣ есть достойное похвалы (проявленіе) божественной и сверхъестественной воли. Вотъ двѣ неукоризненныхъ воли: одна—согласная съ естествомъ, человѣческая, другая же—сверхъестественная, божественная.

Итакъ, когда ты видишь Іисуса подчиняющимся и служащимъ, какъ говорить Лука (Лук. 2, 51), Іосифу и Своей Матери, подбѣгающимъ и обнимающимъ, какъ дитя, руки и святое лоно Ея, безъ колебанія скажи, что Онъ дѣлаетъ это по волѣ и расположению, (врожденнымъ) нашей природѣ, показывая чрезъ это, что Онъ является совершеннымъ (человѣкомъ) и единосущнымъ намъ по человѣчеству во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ одного только грѣха, какъ говорить Павелъ. Когда же, напротивъ, Онъ говоритъ Матери: „Что Мама и Тебѣ, Жено?“ (Іоанн. 2, 4) и: „Кто есть Отецъ Мой или Мати (Моя), аще не творяй волю Пославшаго Мя?“ (Перифр. Мѣ. 12, 46—49), то здѣсь Онъ научаетъ насъ божественной и сверхъестественной волѣ. Ибо ради насъ Онъ все содѣлалъ и совершилъ, Самъ будучи совершеннымъ и всесовершеннымъ во всемъ, всегда пребывая въ полнотѣ; другое же наиболѣе точное положеніе говорить, что чрезъ мыслящую, совѣщающуюся и размышляющую волю разумной души во образѣ раба Христосъ исполнилъ послушаніе и

¹⁾ Отсюда и изъ дальнѣйшаго положенія ясно, что предшествующій отрывокъ объ образѣ принадлежитъ тому же автору, т. е. Анастасію Синаиту.

волю Отца, заповѣдь, предписаніе и законъ. Съ другой стороны, чрезъ живую и животворящую, богодарованную, духовную энергию (дѣйствованіе) ея, т.-е. души, Богъ—Слово содержалъ, животворилъ и возвращалъ собственное тѣло согласно нормѣ и закону, данному Имъ разумной душѣ, дабы она животворила, содержала, возвращала и двигала тѣлесную природу. Отсюда не по чѣму-либо другому она и душою (*ψυχѣ*) называется, какъ отъ слова „дуть“ (*ψύχειν*), т.-е. животворить тѣло. Поэтому и „издыхать“ (*ἀλοφύχειν*), значить „умирать“, равно какъ — наоборотъ — „вздыхать“ (*αὐαφύχειν*) значить „жить“.

Подобно тому, какъ мы показали уже образъ двоякой природы Христа и (двойкой) также воли въ происшедшемъ отъ Него, по Его образу и подобію составленномъ (изъ двухъ природъ) человѣкѣ; такъ опять же, какъ-бы въ нѣкоторомъ образѣ и символѣ, въ человѣкѣ—говорю—усматривается и нѣкоторое двойное отображеніе дѣйствованія во образѣ и символѣ (дѣйствованій) Христа ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, какъ Божество Его, будучи дѣятельно, дѣйствовало и богомужно (*θεαγροκѣс*), и (только) божески (*θeikos*) на небѣ, прежде воспріятія тѣла, какъ безпредѣльное и неограниченное тѣломъ; такъ точно и душа, будучи по образу и подобію невидимаго Бога—Слова, дѣйствуетъ, съ одной стороны, душемужно (*ψυχагρоκѣс*), т.-е. душевнотѣлесно, во образѣ богомужнодѣйствующаго Христа. Съ другой стороны, въ весьма многихъ случаяхъ она дѣйствуетъ и душевнотолько, безъ содѣйствія ей со стороны ея обиталища—тѣла, во образѣ невидимаго Бога—Слова, много невидимо совершившаго и совершающаго на небѣ и на землѣ, чрезъ неограниченное Его и всемирное божественное дѣйствованіе. Такъ, любовь къ Богу осуществляется чрезъ одно только душевное дѣйствованіе, не нуждаясь для этого въ содѣйствіи тѣла; подобнымъ образомъ и вѣра есть показатель одной только психической энергіи; точно также и надежда совершается одною только психическою энергіей; равно какъ и смиренномудріе дѣйствуется и поддерживается чрезъ energiю души. И вообще говоря, всѣ необходимыя [для спасенія] духовныя добродѣтели, корень, мать и основаніе которыхъ есть чистота сердца, совер-

¹⁾ Ср. въ первомъ отрывкѣ стр. 384—385.

шаются при помощи одной только духовной энергіи нашей разумной души, не нуждаясь для своего выполнения въ тѣлѣ. Поэтому и увѣчные, и больные, и неподвижные тѣломъ чрезъ эти добродѣтели посредствомъ душевного дѣйствованія могутъ благоугодить Богу. Двойственность нашей энергіи въ особенности обнаруживается у насъ во снѣ. Ибо въ то время, какъ тѣлесные чувства какъ-бы замираютъ и почти бездѣйствуютъ, духовная и разумная энергія души обходитъ все неусыпно и неумолчно. Иначе—какимъ образомъ, отдѣлившись отъ тѣла во время смерти, разумная душа продолжаетъ существовать, какъ не чрезъ свою духовную, жизненную и вѣчно живую энергию?

Въ особенности же души праведныхъ какъ нынѣ восхваляютъ Бога? какою энергию онъ воспринимаютъ отъ Него озареніе? какъ молятся за міръ? Вѣдь каждая [часть человѣка]¹⁾ соотвѣтственно своей природѣ имѣеть и свойства. Такъ, тѣло, созданное изъ инертной, мертвой, неподвижной, безчувственной земли, во время смерти дѣлается мертвымъ и бездушнымъ, безчувственнымъ и неподвижнымъ, и совершенно бездѣятельнымъ, согласно божественному изреченію, сказанному Адаму относительно тѣла: „Земля еси, и въ землю, яко земля, отыдеши, изъ неяже созданъ еси“ (Перифр. Быт. 13, 19). Душа же произошла не изъ земли, и не изъ воздуха, не изъ воды, не изъ огня, не изъ свѣта, не отъ солнца, не изъ облака и не изъ другой какой-нибудь субстанціи или тварной сущности; видимой или умопостижаемой, но изъ самой пречистой, вѣчной, непостижимой, неизъяснимой, невидимой, безобразной, бессмертной, нетлѣнной, неосъзаемой, непреходящей и безтѣлесной природы Бога получила твореніе и происхожденіе, чрезъ оное божественное вдуновеіе, наша богообразная, богодарованная, богоподобная и богозданная душа, проишедши какъ-бы изъ нѣкоего источника жизни живой и животворящей, будучи сотворена свѣтомъ, какъ-бы изъ сокровищницы свѣта, исшедшія чрезъ уста Божіи и родившись какъ-бы изъ нѣкоего океана вѣчного аромата, какъ вѣяніе благоухонія, и вселившись въ Адамѣ. Осмѣлюсь сказать, что наша разумно-словесная душа передана намъ отъ Творца всего Бога—Слова, будучи вдунута въ насъ изъ (Его) пречистыхъ устъ, внѣдрена въ наше сердце изъ Божія сердца,

¹⁾ Т. е. душа и тѣло.

одушевлена въ насть изъ Божіей души, одарена въ насть умомъ изъ ума Божія. Поэтому, какъ проишедшая и рожденная отъ Самого неподвижнаго Бога чрезъ уста (Его) и божественное вдуновеніе, она пребываетъ приснодвижной и одна только изъ всей твари является по образу и подобію Божію, и (такъ¹⁾ называется, какъ отображающая въ себѣ по благодати свойства божественной природы, разумью — не-постижимость, невидимость, безтѣлесность, безобразность, чистоту, бессмертіе, вѣчность, нетлѣнность, самовластіе, безгрѣшность, животворность, мудрость, духовность, творчество.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ Богъ изъ земли сотворилъ человѣка, такъ и человѣкъ отъ жены по благодати творить человѣка; и какъ при первоначальномъ твореніи человѣкъ имѣлъ тѣло изъ земли, душу же рожденную отъ Самого Бога, такъ и теперь тѣло образуется изъ женской плоти (утѣ) и крови, душа же неизреченно передается чрезъ сѣмя, какъ-бы чрезъ какое вдуновеніе. Поэтому о твореніи ангеловъ, Херувимовъ и Серафимовъ сказано: „Той, т.-е. Богъ, рече, и быша, Той повелѣ, и создашася“ (Псал. 32, 9), о твореніи же человѣка, являющагося по образу и подобію Божію,—не такъ, но тѣло его образовалъ Богъ Своими собственными и божественными руками, душу же, какъ невидимую, отъ совершенно невидимой души Своей Онъ произвелъ чрезъ вдуновеніе и, какъ думаетъ Григорій, создалъ изъ Себя Самого, а не вложилъ ее въ насть изъ того, что внѣ Его.

Итакъ, если душа произошла изъ устъ и дыханія Божія, то не изъ дыханія-ли Божія произошли вмѣстѣ и всѣ существенные свойства души, т.-е. мышленіе, умъ, воля, дѣйствованіе и способность животворить, съ уничтоженiemъ которыхъ не можетъ существовать и быть познаваема разумная душа? Ибо подобно тому какъ тѣло составляется и слагается изъ стихій, такъ и душа чрезъ собственные ея свойства и особенности составляется и познается и, какъ разумно-словесная, отличается отъ безсловесныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, только по уму, мышленію или совѣщанію и волѣ человѣкъ отличается отъ безсловесныхъ; почти во всемъ же прочемъ, и въ особенности въ тѣлесныхъ свойствахъ, онъ является причастнымъ, подобнымъ и единосущнымъ безсло-

¹⁾ Т. е. образомъ Божіимъ.

веснымъ. Ибо и они имѣютъ бытіе изъ этой же самой земли, откуда произошло и наше тѣло, имѣютъ гнѣвъ, движение и душу неразумную (бессловесную) и безвольную, имѣютъ жизнь, голосъ, дыханіе, плоть, кровь, влагу и кости и все, что есть въ нашемъ тѣлѣ; они имѣютъ и память, какъ сказалъ Богъ Іову, имѣютъ аппетитъ, голосъ и жажду, усталость и потъ, и всѣ наши тѣлесныя свойства; не имѣютъ же только происшедшихъ отъ Бога способностей нашей бессмертной души: разумной, мыслительной и совѣщательной.

Теперь посмотри со мной на слѣпоту и заблужденіе еретиковъ. Все прирожденное бессловеснымъ они безъ исключения признаютъ во Христѣ, именно—тѣло, матерію, тѣніе, влагу, кровь, слезы, слюну, кости, каль, мочу, голодъ, жажду, утомленіе, потъ, смерть, омертвѣніе, что по природѣ въ дѣйствительности чуждо и недостойно Бога, какъ свойственное скотамъ, звѣрямъ и пресмыкающимся. Свойства же разумной и бессмертной души, которая суть по образу и подобію Божію, происшедшія изъ пречистыхъ Его усть и имѣющія, какъ сказать, нѣкоторое средство по благодати и подобіе съ Богомъ,—все это, чрезъ что вся наша человѣческая природа оживотворяется и спасается, нечестивцы отказываются исповѣдывать во Христѣ, какъ зло. Вѣдь съ отнятіемъ жизненной и животворящей энергії (дѣйствованія) нашей души, когда тѣло отдѣляется отъ содержащей и оживотворяющей его душевной энергії, человѣкъ тотчасъ подвергается смерти. Когда же—наоборотъ—разумная душа наша лишается желательной и вожделѣвателной ея силы, тогда она ничѣмъ не отличается отъ бессловесной и неразумной души коня.

Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ душа могла бы благоподобить Богу, какъ не черезъ желательную и дѣятельную ея силу и движение? Какъ она могла бы исполнить волю Божію, какъ не черезъ свою врожденную и естественную волю? Эту послѣднюю мы часто находимъ въ Писаніи подъ разными именами, именно—она называется доброю волею (*ἀγαθὴν θέλημα*), сильнымъ желаніемъ (*επιθυμίᾳ*), любовью (*ἀγάπῃ*), сильнымъ влечениемъ (*ἔρως*). Если нужно—мы не замедлимъ и краткія свидѣтельства привести. Итакъ, говорится, что „волю (*θέλημα*) боящихся Его сотворить (Господь)“ (Пс. 144, 19); „въ законѣ Господни воля (блаженного мужа)“ .(Пс. 1, 2); „имже образомъ желаетъ елень на источники водные, сице

желаетъ (*ἐπιποθεῖ*) душа моя къ Тебѣ, Боже“ (Пс. 41, 2); „желаєть и скончавается душа моя во дворы Господни“; „возжелахъ спасенія Твоего, Господи“ (Пс. 17, 2). Относительно же любви (*περὶ δὲ ἀγάπης*): „Возлюблю (*ἀγαπήσω*) Тя, Господи, крѣпосте моя“ (Пс. 17, 2); „возлюбихъ, яко услышить Господь“ (Пс. 114, 1); „коль возлюбихъ законъ Твой, Господи“ (Второз. 6, 5); „возлюбиши Господа Бога твоего отъ всего сердца твоего и отъ всея души твоей“ (Мо. 22, 37). Итакъ, какъ можетъ возлюбить Господа душа, нѣ имѣя въ себѣ самой, въ своемъ существѣ, естественной и доброй силы, волящей (*θελητικήν*), желающей (*ἐπιθυμητικήν*), любящей (*ἀκινητικήν*) и влекущей (*ἔφωτικήν*)? Имѣя ее, Ігнатій говорилъ, что „моя любовь (*ἔρως*) распятая“. Не имѣющіе такового сильного влечения (*ἔφωτа*) и любви (*ἀγάπην*) къ Богу, желанія (*πόθου*) и вожделѣнія (*ἐπιθυμίαν*) и волевого стремленія къ Богу (*θελητικὴν ὄρεξιν*), тѣ, имѣя діавольскую волю и исполняя хотѣнія своей плоти, отказываются исповѣдывать во Христѣ, какъ злую, богодарованную, богозданную, богоподобную волю нашей разумной и богообразной души, и ея животворящее и связующее, Богомъ вдохнутое дѣйствованіе, безъ которой разумная и богодарованная, происшедшая изъ устья Божіихъ чрезъ божественное вдуновеніе душа наша не можетъ ни пожелать, ни совершить ни однай изъ божественныхъ заповѣдей. Если же наша разумная душа лишена доброй и богоодражательной воли и дѣйствованія, то какъ Богъ говоритъ людямъ: „Аще хощете и послушаете Мене, благая земли си ѿстѣ“ (Исаія, 1, 19)? Какимъ образомъ душа будетъ творить волю Божію, если не имѣеть желательной и дѣятельной силы? Какимъ образомъ Адамъ, лишь только произошелъ, приставленъ былъ къ дѣланію и храненію Владычнаго повелѣнія?

Но человѣкъ извратилъ (свою)природу и всѣ, конечно, человѣческія свойства,—скажутъ вопреки намъ еретики, и въ виду этого недостойно и чуждо [истинѣ] признавать во Христѣ человѣческую волю или человѣческое дѣйствованіе. Никакъ нѣтъ. Ибо не всецѣло извращенъ по естеству, т. е. измѣнился изъ нетлѣнія въ тлѣніе Адамъ; только тѣло, какъ произошедшее и образованное изъ земли и превратной природы, потерпѣло это превращеніе изъ нетлѣнія и бессмертія, сдѣлавшись чрезъ преступленіе тлѣннымъ и смертнымъ. Такъ именно

„впавшій въ разбойники“, будучи, какъ говорить Евангеліе, полумертвымъ оть ихъ ударовъ, не былъ однако совсѣмъ мертвымъ. Ибо душа, какъ созданная изъ бессмертнаго и непреложнаго существа Бога, чрезъ вдуновеніе, хотя и преступила заповѣдь древа, однако осталась въ своемъ нетлѣнніи и бессмертніи по образу и подобію Божію, не имѣя нужды въ существенномъ преобразованії, какъ тѣло, но въ одномъ только мысленномъ исправленіи и согласованії, не въ отнятіи воли, дабы она не сдѣлалась безсловесною, и не въ уничтоженіи энергіи (дѣйствованія), дабы она не сдѣлалась мертвою и недѣятельною, какъ существа неодушевленныя.

Итакъ, пришедши для обновленія Адама, Богъ-Слово такую создаль Себѣ душу, какую первоначально изъ Самого Себя чрезъ вдуновеніе даровалъ Адаму, т. е. сущую по образу Его—Бога-Слова и по подобію, какъ говорить Писаніе, всецѣло являющуюся по Его образу: по Его подобію имѣющую бытіе, по Его образу—волю, по Его образу—отпечатлѣвающую (въ себѣ) энергію (дѣйствованіе), чистую, непорочную, неизреченнюю, безгрѣшную, не нуждающуюся въ существенномъ преобразованії, какъ тѣло и все свойственное тѣлу, не нуждающуюся въ измѣненіи и возсозданіи собственныхъ частей и членовъ, не имѣющую такой воли, которая требовала бы совершенного удаленія, и такой энергіи, которая требовала бы упраздненія. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ бы требовала существенного преобразованія душа, происшедшая оть Бога и пребывающая въ образѣ и подобіи Божіемъ, въ особенности же душа пренепорочнаго Бога-Слова?

Ибо душа Адама получила бытіе оть Бога чрезъ вдуновеніе; душа же Эммануила получила существование въ Богѣ, съ Богомъ и за одно съ Богомъ (*б\óб\ф\е\o\ν*), образовавшись ипостасно (*χα\v\ ύ\л\o\σ\ta\o\ν*) вмѣстѣ съ тѣломъ въ пренепорочной и богопріемной утробѣ оть Него, чрезъ Него, съ Нимъ и въ Немъ, такъ что, если бы не дерзостно было сказать, я сказалъ бы, что какъ древле Богъ-Слово изъ Себя Самого неизреченно произвелъ и создалъ сущность разумной души, такъ и изъ дѣственныхъ ложеснъ въ Себя же Самого вселилъ (ее). И какое, наконецъ, порицаніе можетъ имѣть сущность, изначала оть Бога пришедшая къ созданію, и нынѣ въ Самомъ Богѣ вселившаяся, и съ Богомъ пребывающая, и имѣющая честнѣйшую природу и energiю, чѣмъ

тогда, когда ея силы и свойства были отданы отъ Бога, нынѣ же, въ силу ипостаснаго соединенія, соединенные съ Богомъ, и какъ бы богоподобныя и собожественныя? Если это такъ, то поистинѣ—скажу опять—достойно большого смѣха безразсудство еретиковъ, такъ какъ страсти, свойственные скотоподобному естеству превратной плоти, они признаютъ во Христѣ, свойства же души, сущей по образу Его, по существу неизмѣнныя, отказываются признавать въ Немъ.

А дабы не показалось, что мы разсуждаемъ на основаніи собственныхъ соображеній и измышеній, мы съ Божиєю помощію приведемъ доказательства отъ Писанія.

Заключенный въ темницѣ божественный Иоаннъ Предтеча, духовными очами провидя, что, будучи умерщвленъ Иродомъ, онъ имѣть отыти во адъ, пославъ двухъ изъ учениковъ своихъ, спросилъ Христа словами: „Ты ли еси грядый“, т. е. исходящій во адъ, „или иного чаемъ“ (Мѳ. 11, 3). Посему и Петръ въ соборномъ посланіи говоритъ о Христѣ, что Онъ „сочедъ проповѣда сущимъ въ темницѣ духовомъ, противльшимся иногда“ (1 Петр. 3, 19), каковое сошествіе Самъ Господь предзвѣвѣаетъ Іову, говоря: „Пришелъ ли еси на источники моря? въ слѣдахъ же бездны ходиль ли еси? отверзаются же ли тебѣ страхомъ врата смертная? вратницы же адovy, видѣвше тя, убоявшася ли?“ (Іов. 38, 16—17). Итакъ, какимъ образомъ произошло это сошествіе Христа во адъ, пребываніе (въ немъ) и проповѣдь? Бога никто никогда не видѣлъ, и не можетъ видѣть, опять же и всесвятое тѣло Христа послѣ Его смерти лежало во гробѣ на поверхности земли. Какимъ же образомъ адъ былъ расхищенъ? Какой образъ видя, привратники ада пришли въ ужасъ? Кто посѣтилъ отъ вѣка связанныя души умершихъ? Совершенно очевидно, что пренепорочная душа Владыки Іисуса Христа Бога посѣтила единосущную ей разумную душу. Она сошла къ нимъ съ Божествомъ. Она расхитила узилище. Она связала тиранна и разрѣшила узниковъ, возвавъ къ сущимъ во узахъ: „изыдите“, какъ бы заступая мѣсто совершенного человѣка, состоящаго изъ души и тѣла, проповѣдуя во адѣ, повелѣвая и расхищая разумно, какъ разумная, съ участіемъ воли и дѣйствованія, созерцая, какъ умная—умныхъ, какъ душа—души, какъ разумная—разумныхъ, какъ

живая—живыхъ, какъ бессмертная—бессмертныхъ, какъ дѣятельная—дѣятельныхъ, какъ волящая—волящихъ. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ онъ могли бы принять проповѣдь святой души, какъ не чрезъ разумно-мыслящую ихъ волю? Ибо не принужденно и не недобровольно онъ увѣровали и спаслись, и не безъ выбора, но добровольно, по рѣшенію воли и дѣйствіемъ одобренія.

Сказанное мною подтверждаетъ богоносный Григорій Богословъ, такъ приблизительно говоря о сошествії Христа во адъ въ словѣ на святую Пасху: „Если Христосъ восходитъ на крестъ, взойди и ты съ Нимъ; если Онъ нисходитъ во адъ, и ты низойди. Познай тамошнія таинства, двоякое сошествіе; всѣхъ безъ исключенія, явившихся (во адѣ), спасаетъ Онъ, или и тамъ только вѣрующихъ?“ Именно — не всѣ, говорить Григорій, души спасены во адѣ, но только увѣровавшія во Христа по собственному выбору и волѣ. Ибо какимъ образомъ онъ могли увѣровать, помимо разумной воли и дѣйствованія? Какъ живущихъ вверху, на землѣ, во плоти и душѣ, Христосъ посѣтилъ и спасъ чрезъ посредство плоти и души, обновивъ подобное подобнымъ, какъ говорить Григорій, явившись людямъ и говоря имъ, какъ видимыемъ, посредствомъ видимой природы, такъ и свободныя отъ тѣла души посѣтилъ пречистою душою, свободною отъ тѣла.

Если же пречистая душа Господа безвольна, то ясно, что она подчинилась Богу-Слову недобровольно, наподобіе безсловеснаго (существа), какъ пустословитъ Аполлинарій; если она была безвольна, то весьма ясно, что она сошла во адъ наподобіе какой-то неразумной и несмысленной звѣзды или облака, и чрезъ Божество, какъ бездушный и безсловесный органъ, говорила и проповѣдывала, не имѣя, сообразно естеству души, ни внутренняго слова (*λόγος ἐγείρετος*), ни мышленія, ни размышленія, ни опредѣленной или исходящей энергіи, ни мѣстнаго передвиженія. И чрезъ какую, наконецъ, энергію она отдѣлилась отъ тѣла, оставивъ его мертвымъ, бездушнымъ, неподвижнымъ и нѣдѣятельнымъ въ движениіи членовъ, сама сохранивъ дѣятельная проявленія энергій? Чрезъ какую энергію вышелши изъ темницы ада, она возвратилась въ собственное тѣло? Ибо божественная энергія, какъ неограниченная и всенаполняющая, ни переходитъ съ мѣста на мѣсто, ни перемѣщается изъ страны

въ страну, ни удаляется и потомъ снова на то же мѣсто возвращается. Если бы душа Господня была во адѣ безвольною и недѣятельною, то, безъ сомнѣнія, ей присуще было бы безсловесіе и невѣдѣніе, и въ такомъ случаѣ честнѣе ея окажется душа Самуила, вышедшая изъ ада по нѣкоторому устроенію, говорившая съ Сауломъ и предсказавшая ему на другой день смерть—его самого и его дѣтей, о чёмъ злой духъ не зналъ и не могъ предсказать, хотя нѣкоторые и допускаютъ это.

Въ данный моментъ умѣстно привести нижеслѣдующее изреченіе блаженнаго Аѳанасія о пречистой душѣ Господа, гласящее такимъ образомъ: „Даже и теперь еще не напрасны и не бесполезны размышенія ни о божественнномъ Словѣ, ни объ ипостасно соединенной съ Нимъ разумной душѣ; потому что сказать, что она лишена воли и желанія равносильно признанію небытія ея“. Слышали-ль вы, поистинѣ несмыслиенные и недѣятельные, что не признавать въ разумной душѣ Господа воли и желанія значитъ отрицать бытіе ея сущности?

Итакъ, когда ты услышишь, этого самаго святого Отца или кого-либо другого изъ Отцовъ, говорящаго, что Христосъ устранилъ плотскую волю и упразднилъ человѣческія желанія, что Онъ стоялъ въ человѣческихъ помысловъ и плотскихъ желаній, отвращался плотскаго дѣйствованія, то знай достовѣрно, что не ту волю и дѣйствованіе разумной души, которая—по образу и по подобію Его, и произошли изъ пречистыхъ и безтѣлесныхъ усть Его, Онъ устранилъ, или уничтожилъ, или упразднилъ; иначе окажется, что Онъ Самъ разрушаетъ, истребляетъ и уничтожаетъ то, что рождено отъ Него и произошло отъ Него, какъ злое, несогласное и противорѣчащее Ему. Наконецъ, тогда вина и упрекъ (въ этомъ) падаетъ на Него, какъ сотворившаго вмѣстѣ съ душою злую волю и energiю. Но не такъ; да не будетъ! Итакъ, Христосъ истребилъ и уничтожилъ діавольскую волю и сатанинское дѣйствованіе (energію), которую божественное Писаніе, и божественный Апостолъ, и блаженные Отцы часто называютъ плотскою, изъ усть змія въ человѣка вселившимся,—волю и energiю, которая—по образу и подобію Божію и вдунута въ насъ изъ усть Божіихъ, потому что только она одна—богодарованная наша воля и energiя есть причина

и содѣтельница всего нашего спасенія. Ибо по свободному изволенію души мы увѣровали въ Бога, свободною волею соблюдаемъ дѣвство, свободною волею предаемся подвигу, ложу и любви, волею любимъ ближняго и, кратко скажу, всѣ духовныя и божественныя созерданія, озаренія, откровенія и преспѣянія, дѣйствуемыя въ нась отъ Бога, совершаются и происходятъ въ нась чрезъ нашу разумную волю и energiю души.

О чѣмъ сказано нами въ предыдущихъ словахъ кратко, о томъ скажемъ теперь болѣе пространно. Итакъ, существуютъ двѣ заповѣди, говорить Господь и Апостоль, въ которыхъ содержится и съ которыми связана всякая заповѣдь и добродѣтель, т. е.: „Возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душою твою, и възлюбиши искренняго твоего, яко самъ себе“ (Ме. 22, 37 и 39). Эти двѣ заповѣди относятся и дѣйствуютъ въ душѣ. Ибо любовь, какъ говорить Діонисій, есть объединяющее и связующее (расположеніе) души къ желаемому. Точно также блаженства Господни исполняются чрезъ разумную волю и energiю (дѣйствованіе) души, ибо изреченіе: „Блажени ниціи духомъ“ (Ме. 5, 3) относится къ душевной добродѣтели. Равнымъ образомъ и изреченіе: „Блажени плачущіи“ (Ме. 5, 4) исполняется чрезъ общечеловѣческое душевное свойство и волю, такъ же, какъ и: „Блажени кроткіи, блажени чистіи сердцемъ, блажени миротворцы“ (Ме. 5, 5, 8—9). Не только это, но и вѣра, надежда, любовь являются душевными добродѣтелями, а не тѣлесными, равно какъ и тѣ, которые тотъ же Апостоль исчисляетъ, говоря: „Плоды Духа суть: любы, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе“ и т. д. Онъ происходятъ въ душѣ чрезъ разумную волю и energiю.

И такъ какъ отрицающіе въ Господѣ составные свойства нашей природы,—я разумью естественную волю души и energiю,—услышавъ (о нихъ), пугаются наподобіе неразумныхъ коней и моловъ, то мы изложимъ это яснѣ путемъ какъ бы толкованія и выясненія ихъ силы. Воля разумной души, какъ кратко сказалъ прежде и великій Діонисій, есть „сила мыслительная и желательная (стремящаяся) къ соединенію души съ Богомъ, по существу дарованная ей отъ Бога, посредствомъ которой первый человѣкъ дѣлалъ и хранилъ божественныя повелѣнія, восходя отъ душевнаго

желанія къ дѣятельному исполненію заповѣдей Божіихъ". Но это—объ Адамъ. О Христѣ же Сынѣ (Божіемъ) сказано, что Онъ добровольно воспринялъ образъ раба (*μορφὴν δούλου*), т. е. существо (οὐσίαν) раба. Итакъ, этотъ образъ во Христѣ и сущность раба въ какомъ отношеніи является образомъ раба, по какому рабству, служенію и подчиненію? Развѣ по Владычнѣй волѣ и дѣйствованію (энергіи), и образу Бога—Слова, согласно безумію Ария?

Но такъ какъ чрезъ преслушаніе первого человѣка мы—люди стали грѣшниками, когда Адамъ послушался заповѣдей Божіихъ, то ради этого Христосъ чрезъ Свое собственное послушаніе содѣлалъ нась праведными, во образѣ раба исполнивъ тѣ повелѣнія, которыхъ рабъ не соблюлъ изна-чала. Ибо какъ смерть, которой повиннымъ сдѣлался рабъ, Владыка вкусила (*επλήρωσεν*) чрезъ смертный образъ раба, послушливъ бывъ до смерти крестной; такъ и преслушаніе закона и воли Божией, предъ которыми повиннымъ сдѣлался рабъ, во образѣ раба изгладилъ и восполнилъ Владыка. Поэтому Онъ и говорилъ: „Сидохъ съ небесе, не да творю волю Мою, но волю (пославшаго Мя) Отца, и да исполню дѣло Его, и сохраню заповѣди Его“ (Иоанн. 6, 38; 4, 34; 12, 49—50). Это соблюденіе заповѣдей Божіихъ и эту волю по-славшаго Его Отца въ отношеніи къ какой волѣ, лучше же—посредствомъ какой воли совершилъ Христосъ, если во образѣ раба Онъ совсѣмъ не имѣлъ воли разумной души? Ибо въ отношеніи къ Божеству есть одна владычественная и повелѣвающая воля Отца и Сына. Итакъ, какая же воля Христа исполнила божественную волю? Ясно вѣдь, что иная есть повелѣвающая воля, а иная подчиненная и повиную-щаяся. Слѣдовательно, если Онъ совершилъ служеніе по Боже-ственной волѣ, то—разумѣется—и по Божественной природѣ Онъ былъ рабомъ и слугою, согласно измышленіямъ аріанъ. Сейчасъ я и попытаюсь уяснить это... (caetera desiderantur).

Анастасія пресвитера слово о твореніи Божіемъ по об- разу и по подобію ¹⁾.

(Отрывокъ).

Встрѣтился я съ однимъ толкователемъ, который сказалъ (мнѣ), что однажды, когда онъ занимался изслѣдованіемъ

¹⁾ Переводъ съ греческаго, ibid. coll. 1283—1286.

Свяще. Писанія, внезапно случилось, что какъ-бы открылись его духовныя очи, и онъ узрѣлъ во всемъ устроеніи твари и всего въ ней (сокрытаго) начертаніе образа и подобія человѣчества Бога—Слова. Потому Павель и говорить о Христѣ, что „всяческая Тѣмъ и о Немъ создашася“ (Колос. 1, 16). Намѣревающимся мудро и благоразумно вести состязаніе съ еретиками относительно свойствъ Христа, именно—о волѣ и дѣйствованіи (энергії), прежде всякихъ разсужденій, нужно потребовать отъ нихъ письменнаго изложенія нижеуказанныхъ понятій, такъ какъ на основаніи этихъ послѣднихъ легко изобличается ихъ безразсудство. Святые Отцы говорили о двухъ совершенствахъ во Христѣ, т. е. что Онъ совершенъ въ Божествѣ, равно и совершенъ въ человѣчествѣ. Посему должно потребовать, чтобы они опредѣленно высказались, если только умѣютъ: что такое есть понятіе истинно единосущнаго? что такое понятіе вполнѣ совершенаго? что такое понятіе разумной души? что такое понятіе неразумной души? И какое понятіе души Христа? И что такое плотская воля? И что такое душа? И что такое божественная воля? И если они въ состояніи будутъ разграничить вышесказанныя понятія на основаніи стеческихъ, а не эллинскихъ писаній, то изобличенныя ими [ихъ положенія] падутъ (самы собою). Ибо какъ единосущніе Слова со Отцомъ указываетъ (въ Немъ) на совершеннаго Бога (*ἀνελλιπτικόν Θεόν*), совершенно такимъ же образомъ и единосущніе Его души и тѣла съ нами представляеть Его совершеннымъ человѣкомъ.

Умоляемъ братій нашихъ о Господѣ съ великою осторожностью и осмотрительностью разсуждать съ противниками о дѣйствованіяхъ и воляхъ, и въ особенности съ неуступчивыми. Ибо не во всѣхъ вѣра, какъ говоритъ Павель (II Сол. 3, 2). Итакъ, не съ безстыднымъ выраженіемъ лица и дерзкой рѣчью, какъ дѣлаютъ пѣкоторые неразумные, неосмотрительно станемъ кричать о двухъ естественныхъ дѣйствованіяхъ, такомъ-то и такомъ-то, но съ осторожностью, со страхомъ Божіимъ и осмотрительностью. Ибо можно благочестиво утверждать во Христѣ двѣ природы. Равнѣмъ образомъ можно и право и неправо говорить о воляхъ и дѣйствованіяхъ въ Немъ. Вѣдь и Діодоръ и Несторій признаютъ двѣ природы Христа, но и постасныхъ. И Феодоръ Антіохіецъ и Арій Александріецъ

признаютъ двѣ воли, но противоположныхъ. И Манесъ персъ признаетъ два дѣйствованія, но одно—благаго Бога, а другое—злого существа. Посему я упрашиваю, будемъ со всякою осмотрительностью отвѣтчиать состязающимся, говоря имъ прямо, что если кто признаетъ во Христѣ плотскую или мірскую волю, или вообще дѣйствованіе, противоборствующее Божеству Его, или волю противорѣчащую Богу—Слову, да будетъ осужденъ. Ибо все, что имѣло образъ раба, подчинялось и руководилось по мановенію и волѣ образа Владыки Бога—Слова. Но чтобы намъ не сдѣлать Его Божественное естество подверженнымъ страстямъ и Слово, какъ раба, подчиненнымъ Отцу, ради этого каждому изъ двухъ естествъ Христа мы нераздѣльно воздаемъ ихъ свойства...

Перевель студентъ III курса Валентинъ Металловъ.
